

3. С. Бочарова

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В БОЛГАРИИ В 1920-е – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Формирование правового пространства русской эмиграции проходило под влиянием многих факторов и включало в себя целый комплекс жизненно важных сфер ее существования. Проблема является многоуровневой с точки зрения организационно-правового урегулирования, находится на перекрестке различных направлений социального бытия. Русскому вопросу в Болгарии в межвоенный период посвящены труды как отечественных¹, так и зарубежных ученых, прежде всего из Балканских стран². Этой

¹ См., например: *Алексеева Е. В.* «Общество единения русских в Болгарии» (1920–1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 58–66; *Гусев Н. С.* Митрофан Иванович Ретивов: Русский врач-эмигрант о жизни болгарского села в 1920-е гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 60–77; *Косик В. И.* 1) Русские изгнанники в Болгарии в 1920–1950-х годах // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2007. № 22. С. 21–39; 2) Софии русский уголок: Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М., 2008; Русское Зарубежье в Болгарии: История и современность. София, 2009; *Чернявский Г., Даскалов Д.* Судьбы русской эмиграции в Болгарии // История СССР. 1961. № 1. С. 109–117, и др.

² См., например: *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. София, 1997; *Кьосева Ц.* 1) България и руската емиграция 20-те – 50-те години на ХХ в. София, 2002; 2) България и руската емиграция 1920–1950-е годы. М., 2008; 3) Русские эмигрантские организации в Болгарии // Русские в Болгарии. София, 1999. С. 45–64; *Лукин А.* Руската емиграция и взаимоотношенията и с българските държавни и обществени институции // Бялата емиграция в България: Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 38–50; *Мангачев П.* Документална история на руските бежанци в България (1919 г. — 1944 г.): В 2 т. София, 2015; *Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г.* «Малката Русия» на жълтите павета. София, 2016; *Панайотов П.* Руските емигранти в България и движението сред тях за връщане в Съветска Русия (1920–1923 г.) // Исторически преглед. 1963. № 5. С. 34–61; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България 1919–1923 г. София, 1999; *Темест Р.* Страна родствених умов: Русские эмигранты в Болгарии. Первые послереволюционные годы // Философические письма: Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3. № 4. С. 113–123; и др.

теме уделено внимание в рамках изучения советско-болгарских отношений³, миграционного движения и демографического развития в Болгарии⁴, но, прежде всего, в работах, посвященных истории эмиграции (Зарубежной России) в целом. В проблемное поле включены практически все сюжеты, связанные с эмигрантским социумом: динамика численности⁵, состав, расселение, болгарское законодательство об иностранцах, трудоустройство, учебная, интеллектуальная культурная жизнь⁶, церковная эмиграция и судьба собственности РПЦ⁷ и многие другие. В этом историографическом секторе в той или иной мере освещается правовое положение русских.

Таким образом, несмотря на то, что специальным предметом исследования статус бывших подданных Российской империи не являлся (исключение составляет статья Ц. Кьосевой⁸), его значимые элементы нашли отражение в работах ученых. Прежде всего, отметим работы Ц. Кьосевой (Кёсевой) и Д. Даскалова, ценность которых заключается не только в широте охвата адаптационных стратегий, насыщенности эмпирическим материалом, часто впервые вводимым в научный оборот, но и в глубине обобщений⁹. Так, Ц. Кьосева сделала совершенно справедливое заключение о много-

³ См., например: *Панайотов П.* Българо-съветски отношения и връзки 1917–1923. София, 1982; *Спасов Л. И.* България и СССР: 1917–1944 г. (Политико-дипломатические отношения). Велико Търново, 2008.

⁴ *Peukovska P.* 1) Демографски аспекти на миграциите в България 1912–1944 г. София, 2019; 2) *Bulgaria on the move. Migration, refugees, integration, and urbanisation in the 1910s–1930s.* Sofia, 2022.

⁵ *Хрисанфов В. И., Турыгина Н. В.* Русская диаспора в Болгарии: Проблемы учета мигрантов межвоенного периода // *Quaestio Rossica.* 2020. Т. 8. № 1. С. 283–294.

⁶ *Горяинов А. Н.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии (20–30-е годы) // *Славянский альманах.* 1998. № 1997. С. 182–195; *Каназирска М.* После России: К проблеме культуры российской эмиграции в Болгарии (1920–1940). Велико Търново, 2013; *Седова Е.* Русская школа в Болгарии как фактор самосохранения детей эмиграции // *Известия Воронежского государственного педагогического университета.* 2013. № 1. С. 116–122; *Шевченко В. А.* К. И. Иванов и реорганизация русского учебного дела в Болгарии в 1920–1930-е годы // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2017. № 12. С. 326–337; и др.

⁷ *Кострюков А. А.* Святитель Серафим (Соболев) и «дело князя Лобанова-Ростовского» // *Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ.* 2018. № 82. С. 107–134; *Хмыров Д. В.* О притязаниях советской власти на церкви при российских посольствах (На примере церкви свт. Николая Чудотворца в Софии, 1934 г.) // *Христианское чтение.* 2023. № 1. С. 333–344; *Шкаровский М. В.* 1) Русская церковная эмиграция в Болгарии в 1920-е гг. // *Церковно-исторический альманах «ХРОНОС».* 2017. № 5. С. 44–82; 2) Служение протопресвитера Георгия Шавельского в Болгарии // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.* 2018. № 8. С. 152–162.

⁸ *Кьосева Ц.* Правовое положение и адаптация русских беженцев в Болгарии (20–40-е годы XX века) // *Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы.* СПб., 2006. С. 160–182.

⁹ Хорошо фундированные и основательные научные работы Ц. Кьосевой некоторые исследователи используют как источник для написания собственных статей, не заботясь о своем вкладе в изучение проблемы. См., например: *Гогачев А. С.* Деятельность международных и болгарских правительственных и гуманитарных организаций по обустройству российских эмигрантов в Болгарии в 1920-е гг. // *Власть.* 2011. № 8. С. 62–64; *Морошкин В. А.* Эмиграция населения из России в Болгарию в 1919–1924 гг. // *Власть.* 2013. № 4. С. 168–170.

факторном решении русского вопроса, на ход которого влияли не только болгарские власти, но и Лига Наций в лице верховного комиссара по делам беженцев Ф. Нансена и его представителей, сами эмигранты, уровень общения Болгарии и СССР. Также свое воздействие оказало поражение страны в Первой мировой войне, повлекшее ограничение суверенитета, контроль Международной комиссии Антанты и необходимость принятия инициатив победивших стран и Лиги Наций¹⁰. Представляется важным утверждение, с которым нельзя не согласиться, об отсутствии «чисто региональных аспектов» «в русской эмигрантской проблематике», о ее «тесной связи с определенными общими процессами, протекавшими во всех странах, где находилась русская диаспора», и вдохновлявшимися верховным комиссаром по делам беженцев при Лиге Наций¹¹. Также следует учитывать факт лояльности к беженцам со стороны общественности и политической элиты, истоки которой лежат в освобождении Болгарии от турецкого владычества в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Цель настоящей статьи — выявить степень включенности эмигрантов в национальную правовую систему Болгарии и международную статусную систему, касающуюся русских беженцев, разработанную по инициативе Лиги Наций (нансеновские паспорта, Соглашение 1928 г. и Конвенция 1933 г.). Проблема рассматривается через призму структурной интеграции, предполагающей взаимодействие эмиграции с принимающим государством и обществом через систему институтов, посредством которых происходит инкорпорация прибывших в новую среду. В ряду таких институтов следует назвать легализацию мигранта в государстве-реципиенте, получение им идентификационных, разрешительных документов, право проживания, наследования, свободу передвижения, политические, брачные права, семейное право, доступ к труду, образованию, социальному обеспечению, налогообложению, приобретению гражданства и т. д.

Следует сделать терминологическое замечание по поводу использования в статье понятий «эмигрант» и «беженец» как тождественных, поскольку речь идет о рецепции межправительственных решений в болгарской иммиграционной политике. Лицо «русского происхождения, не принявшее другого подданства» (по определению, зафиксированному в удостоверении личности) признавалось беженцем. Кроме того, в международных, болгарских документах, в эмигрантских отчетах использовались оба эти термина как равнозначные. Не делалось различий и между национальностями, что обусловило употребление определения «русская эмиграция», «русские беженцы»¹².

Источниковую основу составили документы Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ), Архива Лиги Наций в Женеве (United Nations Archives), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Архива внешней политики РФ (АВПРФ), материалы эмигрантских, болгарских повременных и периодических изданий. Заметим, что они не только дополняют введенную в научный оборот коллегами из Болгарии архивную базу, но и отчасти дублируют ее. Это означает, что некоторые документы отложились и в Центральных архивах Болгарии, и в российских архивах.

¹⁰ Къосева Ц. История белой эмиграции в Болгарии. 1919–1950 гг. // Новый журнал. 2007. № 247. С. 213.

¹¹ Къосева Ц. Болгария и русская эмиграция... С. 14.

¹² Болгарские исследователи придерживаются той же точки зрения. См., например: Къосева Ц. Болгария и русская эмиграция... С. 13–14; *Pejkovska P. Bulgaria on the move. P. 69.*

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ КОЛОНИИ В БОЛГАРИИ

Массовый приток русских эмигрантов на болгарскую территорию начался с 1920 г., когда главнокомандующий войсками Антанты в Болгарии А. Клодель потребовал принять раненых и больных военнослужащих Белой армии. Далее последовало несколько миграционных приливов преимущественно военных чинов (с семьями), учебных заведений¹³. Были опасения, что спешная эвакуация в Болгарию приведет к ухудшению условий жизни беженцев. Так, один из лидеров Земского союза А. С. Хрипунов говорил о страданиях 40 000 русских в стране братушек, так как «гораздо легче найти работу на улице Пера» в Константинополе, чем там¹⁴. Число прибывших из Российской империи в конце 1920 г. составило 6676 человек. Несмотря на отсутствие неоспоримых статистических сведений, можно считать, что до весны 1922 г. в страну прибыло примерно 35 000 человек¹⁵. Их число сократилось после волны репатриации и отъездов целыми группами на работу в другие страны (приблизительно до 20 000)¹⁶. В 1926 г. после оттока значительных контингентов эмигрантов осталось уже 17 106, из них 13 595 мужчин и только 3511 женщин¹⁷. Русских, родившихся в Болгарии, в 1926 г. насчитывалось только 1550 человек¹⁸. Особенностью состава иммиграционного сообщества являлись, во-первых, высокий удельный вес мужчин, военных, нетрудоспособных (инвалидов и детей)¹⁹, нуждавшихся в оказании помощи и не имевших возможности перебраться в более благоприятные регионы; во-вторых, многочисленность образованных людей (без образования отмечено менее 2 % беженцев), в том числе около 7 000 представителей интеллигенции²⁰.

Главная особенность социального состава заключалась в высоком удельном весе военных чинов. Вопрос об условиях их пребывания и статусе повлиял и на судьбу эмиграции. Любая армия на территории чужого государства должна перейти на беженское положение. Белая же армия пользовалась определенной экстерриториальностью. Переломными стали майские события 1922 г.²¹, осложнившие политическое положение

¹³ Подробнее см.: *Бочарова З. С.* «...Не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2005. С. 13–18, 24–29, 67–70; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 19–57; *Спасов Л. И.* България и СССР: 1917–1944 г. С. 67–77; и др.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 280.

¹⁵ См.: *Daskalov D.* Sofia: Die russischen Flüchtlinge in Bulgarien // *Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941.* München, 1994. S. 67, 76; *Peykovska P.* Bulgaria on the Move. P. 77 и др.

¹⁶ Подробнее см.: *Хрисанфов В. И., Турыгина Н. В.* Русская диаспора в Болгарии...

¹⁷ Подробнее см.: *Peykovska P.* Bulgaria on the move. P. 74.

¹⁸ См.: *Peykovska P.* Bulgaria on the move. P. 43.

¹⁹ По данным Земгора, на 1 июля 1924 г. в Болгарии насчитывалось из 34 тыс. беженцев мужчин — около 28 тыс., женщин — около 3,6 тыс., детей — 2,4 тыс. (ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 59. Л. 194–196).

²⁰ *Кёсева Ц.* История белой эмиграции в Болгарии. 1919–1950 гг. // *Новый журнал.* 2007. № 247. С. 214. — См. также: *Бирман М. А., Горяинов А. Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // *Новая и новейшая история.* 2002. № 1. С. 173–193; *Peykovska P.* Bulgaria on the move. P. 125.

²¹ «Дело» главы контрразведки Русской армии полковника П. Т. Самохвалова, которого 6 мая 1922 г. в Софии арестовала местная полиция, положило начало гонениям и высыл-

эмиграции²². 11 мая 1922 г. Высший административный совет (ВАС) при МВД постановил рассредоточить остатки армии П. Н. Врангеля, чины которой становились просто гражданскими беженцами. Эта политика привела к расселению военнослужащих по деревням мелкими партиями по 10–50 человек²³, активизации репатриации²⁴, выдворению в трехнедельный срок из страны лиц, не желавших устраиваться на работу. Кроме того, ВАС разрешал образование комитета в составе пяти человек, им рекомендованных, который должен был заботиться о больных и оставшихся без работы²⁵. В результате право на 5000 виз не было использовано и наполовину, несмотря на то, что из всех стран только Болгария готова была принять беженцев из Константинопольского района, и ее правительство согласилось на въезд инвалидов и рабочих²⁶. И. В. Матвеева вспоминала, что в 1924 г. к некоторым офицерам даже приехали из России остававшиеся там семьи²⁷. В январе 1928 г. болгарское правительство содействовало прибытию одной из последних партий в 500 беженцев из Константинополя²⁸.

Принято выделять три этапа эволюции политики болгарского правительства по отношению к беженцам. В первый период при кабинете А. Стамболийского шло становление учреждений и организаций, занимающихся вопросами беженцев, но в то же время на правительственную политику активно влияли левые политические силы, настроенные против эмиграции. Второй, наиболее благоприятный период, начинается после переворота 9 июня 1923 г.²⁹ с приходом к власти правого правительства А. Цанкова, и характеризуется интенсивной организационной, финансовой и политической поддержкой при решении русского вопроса. Третий связан с установлением дипломатических отношений Болгарии с СССР 19 мая 1934 г. с вытекающими отсюда притеснениями эмигрантов.

кам офицеров, подозрительному и недоброжелательному отношению ко всем русским. Результаты обыска у полковника позволяли болгарским властям сделать вывод об участии врангелевцев в подготовке заговора против правительства Стамболийского. (См.: *Снасов Л. 1*) Врангеловата армия в България... С. 121, 129–133, 144; 2) България и СССР. 1917–1944 г. С. 92–95; *Кёсева Ц.* Руската емиграция в България... С. 97–98, 104).

²² А. М. Петряев писал М. Н. Гирсу 12 мая 1922 г., что действия военных «вызвали взрыв негодования среди русских гражданских беженцев против Врангеля и его штабов, благодаря неосторожности которых наши эмигранты попали под действия разных репрессивных полицейских мер» (АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 83. Л. 4).

²³ По данным министерства иностранных дел и вероисповедания, русские военные чины были размещены по 59 населенным пунктам. См.: *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 63.

²⁴ Возвращение на родину происходило на основании решения совета министров. Предварительно околийские начальники собирали заявки от желавших выехать, составляли списки, а затем передавали их в МВД.

²⁵ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 83. Л. 63, 65.

²⁶ К. Н. Гулькевич, представлявший российский дипломатический корпус при Лиге Наций, писал, что препятствием для расселения Константинополя являлись не финансовые трудности, а отсутствие страны, куда можно было бы беженцев направить, и только болгары не в состоянии были противиться их наплыву (ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 105).

²⁷ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах. 2004. № 2003. С. 496.

²⁸ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 110. Л. 9; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 55.

²⁹ См. подробнее: *Козодой В. И.* Белый реванш в стране алых роз. Александр Гучков и государственный переворот 9 июня 1923 года в Болгарии. Новосибирск, 2019.

ИНСТИТУТЫ ПОДДЕРЖКИ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

На прибытие русских первой отреагировала болгарская общественность. В лице Славянского общества она предприняла меры по организации правовой, материальной, финансовой, трудовой помощи прибывавшим русским. Особенно ценна была эта поддержка в 1919 г., когда в стране не было никакого русского представительства (ни политического, ни военного). Общество помогало решать вопросы, связанные с различными формальностями в отношении паспортов, снабжением бесплатными билетами для проезда по железной дороге, ходатайствовало перед Советом министров о размене по льготному курсу в Болгарском народном банке русских бумажных рублей. Затем к нему по предложению А. М. Петряева, дипломатического представителя правительства Юга России, примкнул Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет во главе с архимандритом Стефаном, созданный в январе 1920 г.³⁰

А. М. Петряев прибыл в Болгарию в январе 1920 г. Под его руководством возобновилась деятельность русской миссии. Вопросы виз, паспортов и другие консульские полномочия перешли в ее руки. Спустя три года, 10 января 1923 г., посланник вынужден был уехать. Остатки средств он передал генералу И. П. Ставицкому³¹, представителю генерала Врангеля. Советнику российского посольства в Болгарии С. Г. Богоявленскому А. М. Петряев поручил постараться создать почву для возобновления в том или ином виде деятельности миссии в Болгарии³². Тот неофициально также выполнял некоторые функции при представителе Лиги Наций в Болгарии — Коллинсе. К С. Г. Богоявленскому перешла обязанность выдачи русским виз и рекомендаций для получения права выезда в другие государства. В 1921 г. А. М. Петряев внес на депозит болгарского государственного банка средства, которые, по его мнению, должны были переводиться с 1923 г. С. Г. Богоявленскому не через Коллинса, который занимался репатриацией русских беженцев, а через французского посланника в Софии³³. Однако представитель совета послов со своей миссией не справился. Глава политического отдела МИД П. Петков обвинил российскую миссию в том, что лишь благодаря ее непрекращающимся интригам у болгарского правительства все время натянутые отношения со всем дипломатическим корпусом³⁴. И С. Г. Богоявленского перевели советником российского посольства в Берн. Представителем совета послов стал Б. С. Серафимов, прибывший в Софию в конце апреля 1923 г.³⁵ Б. С. Серафимов регулярно посылал отчеты о положении эмиграции, о расходуемых средствах, разъяснял, куда направляются средства из фонда Лиги Наций и т. п.³⁶ В Болгарии также действовал

³⁰ *Парчевский К.* Русские беженцы в Болгарии // Русские сборники / Под ред. проф. Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова. Кн. 2. София, 1921. С. 101; *Бирман М. А., Горяинов А. Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии... С. 173.

³¹ Копия письма Л. Фельдмана, уполномоченного Российского общества Красного Креста (РОКК) в Болгарии Б. Е. Иваницкому от 28 декабря 1922 г. // ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 229.

³² Копия письма С. Г. Богоявленского М. Н. Гирсу от 12 января 1923 г. // ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 41.

³³ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 32. Л. 15.

³⁴ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 55–56.

³⁵ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 32. Л. 22.

³⁶ UN Archives — United Nations Archives, Geneva. Nansen Office Delegation in Bulgaria. Correspondence with Mr. Sérafimov; Monthly reports and statistics, 1930, 1931, 1932, 1933, 1933–1934 and others.

с мая 1920 г. российский Красный Крест, с июля Всероссийский союз городов, а также другие русские организации, коих насчитывалось свыше 90.

На государственном уровне дело организации русских беженцев было поручено политическому отделу МИД. 30 ноября 1921 г. приказом Министерства иностранных дел был создан Комитет (Комиссия) по расселению русских детей в Болгарии во главе с епископом (с 1922 г. митрополитом) Стефаном и Г. Цветиновым (от министерства)³⁷. Поводом для его появления послужил приезд представителя верховного комиссара по делам русских беженцев М. Гери с целью убедить правительство Болгарии принять 5000 детей из Константинополя³⁸. Но расселением дело не заканчивалось. По проекту главы политического отдела П. Петкова, вопросы, обычно находившиеся в ведении консульства, передавались болгарским нотариусам, а паспорта должно было выдавать МВД.

Ситуацию обострил отъезд А. М. Петряева. Болгарское правительство решило создать постоянный орган, курирующий русский вопрос и компенсирующий отсутствие российских дипломатических и консульских представителей. Предложения эмиграции об образовании особого комитета либо о смешанном русско-болгарском комитете или секции по русским делам при МИД, о покровительстве одной из иностранных держав³⁹ были отвергнуты со ссылкой на отсутствие состояния войны между Болгарией и Россией. Правительство твердо стояло на том, что никаких институтов с русским участием, замещавших бы посланника, допускать нельзя, а также не может идти речь о передаче защиты интересов русских беженцев Лиге Наций. Предполагалось передать все дела о русских в административное отделение МВД на общих основаниях с делами болгарских граждан, а также взять на себя выдачу русским паспортов по форме, выработанной Лигой Наций.

Российские дипломатические круги опасались, что «беженцы останутся без защиты на произвол болгарского беззакония», что здание дипломатической миссии будет занято большевистским Красным Крестом⁴⁰. М. Н. Гирс обратил внимание представителя совета послов при международных организациях в Женеве К. Н. Гулькевича на «ужас положения наших беженцев после ухода Петряева» и просил доверительно сообщить об этом Ф. Нансену, верховному комиссару по делам русских беженцев⁴¹. Позже представитель Лиги Наций в Болгарии Коллинс направил в Женеву телеграмму, в которой призывал к содействию восстановить российскую миссию «хотя

³⁷ Лунин А. Руската емиграция... С. 46–47.

³⁸ Лунин А. Руската емиграция... С. 46; Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / Сост. З. С. Бочарова. М., 2004. С. 81.

³⁹ Руль 28 декабря 1922 г. сообщал, что болгарское правительство отклонило предложение о передаче защиты интересов русских беженцев голландскому консулу. Отказ мотивировался тем, что Россия и Болгария не находятся в состоянии войны и поэтому особой защиты русских интересов не требуется. Французский посол в Софии также изъявил готовность принять беженцев под свое покровительство, но и это предложение отпало. Русский посол в Париже обращался к Нансену с просьбой принять на себя защиту русских беженцев в Болгарии.

⁴⁰ Письмо В. Н. Штрандтмана М. Н. Гирсу от 22 декабря 1922 г. // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 32. Л. 14.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 189об. — 190.

бы под покровительством Лиги Наций»⁴². Лишение с 1923 г. русских официальной защиты, дипломатических и консульских представителей вызвало к жизни иные компенсаторные институты.

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Уже 12 февраля 1923 г. Совет министров постановил создать Комитет по делам русских беженцев (КДРБ) в Министерстве иностранных дел и вероисповеданий (МИДиВ), которому поручалась защита русских интересов на государственном уровне⁴³. Действовал он до 1944 г. «Положение о КДРБ» подготовил инспектор отдела вероисповеданий Т. Кунев⁴⁴, который и был назначен Председателем Комитета. Через полгода его сменил генерал А. Пападопов⁴⁵. Помимо болгар, состояло это учреждение также из представителей русской эмиграции, рекомендованных А. М. Петряевым (управляющий русскими православными приходами в Болгарии епископ Серафим, профессор Софийского университета И. А. Базанов, представитель Российского общества Красного Креста Л. Е. Фельдман, князь И. Н. Лобанов-Ростовский⁴⁶). Позже вошли граф Н. Н. Игнатъев и Б. С. Серафимов, остававшийся представителем совета послов. Члены Комитета назначались председателем Совета министров⁴⁷. На встрече с членами Комитета И. Н. Лобановым-Ростовским и И. А. Базановым А. Стамболийский⁴⁸ обещал, что будут прекращены всякие преследования русских, ограничена деятельность советского Красного Креста по репатриации из Болгарии⁴⁹.

В ведение Комитета входили следующие функции: засвидетельствование личности беженца перед местной властью, выдача удостоверений личности, заверение подписей, подтверждение благонадежности, копий различных документов и прочее⁵⁰. В пользу этого учреждения взимались общегосударственный гербовый сбор, канцелярские пошлины. Например, за выданное удостоверение взималось 50 левов канцелярской пошлины⁵¹.

⁴² ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 58.

⁴³ ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 146. Л. 43; Д. 111. Л. 47. — Формирование Комитета началось согласно приказу № 64 Министра иностранных дел и вероисповеданий от 15 января 1923 г. См.: *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 79; *Лунин А.* Руската емиграция... С. 44.

⁴⁴ Как докладывал С. Г. Богоявленский главе совета послов М. Н. Гирсу, Т. Кунев — «вполне порядочный человек, женатый на русской» (ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 46).

⁴⁵ *Лунин А.* Руската емиграция... С. 44.

⁴⁶ Письмо С. Г. Богоявленского М. Н. Гирсу от 13 января 1923 г. // ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 46; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 79.

⁴⁷ *Кьосева Ц.* Правовое положение и адаптация русских беженцев в Болгарии... С. 162.

⁴⁸ Нансен тепло отзывался об А. Стамболийском, в отличие от нового главы правительства, пришедшего к власти после государственного переворота 9 июня 1923 г. А. Цанкова, с которым тот «не имел никаких дел». См.: Записка А. М. Макара Г. В. Чичерину от 31 мая 1926 г. // АВПРФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 314. Д. 54725. Л. 19.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 49.

⁵⁰ Справка Российского земского союза в Софии члену Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей В. Ф. Зеелеру от 24 марта 1928 г. // ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 111. Л. 47. — Этот материал позже вошел в Бюллетень Земгора.

⁵¹ Бюллетень № 57–58 РЗГК. 15 марта 1930. С. 15.

Для проживания в стране болгарская Дирекция полиции выдавала и ежегодно обновляла так называемую личную карту. Ее получение обходилось в 220 левов, что для многих составляло непосильную сумму. Этот документ заменил старые паспорта, выдававшиеся прежде российской дипломатической миссией.

Паспорта для выезда из страны с 1923 г. стал выдавать КДРБ. Однако иностранные миссии восприняли создание новой институции скорее отрицательно, они не признавали паспорта, выданные Комитетом, законными документами⁵², отказывались ставить на них визы, опасаясь к тому же, что болгары за вознаграждение будут выдавать документы без разбора⁵³. И, узнав, что представитель совета послов С. Г. Богоявленский остается прикомандированным к представителю Лиги Наций, выражали полную готовность «в самой широкой степени» прийти ему на помощь в деле ограждения интересов русских, обещая лишь по его рекомендациям давать визы, разрешения на въезд и прочее⁵⁴. В то же время болгарское правительство не признавало паспортов, выдаваемых С. Г. Богоявленским. Создавалась ситуация, когда выезжавший из страны русский беженец вынужден был получать один паспорт в КДРБ, а другой от С. Г. Богоявленского и визировать каждый из них.

В связи с этим С. Г. Богоявленский, потеряв официальные полномочия после ликвидации российской миссии в Софии, просил В. Н. Штрандмана, главу российского консульства в Белграде, выдавать паспорта тем русским, проживавшим в Болгарии, кто утратил свои старые документы или не успел получить новые (до закрытия миссии). Сам он в этом случае продолжал бы в Софии принимать заявления о выдаче паспортов, осуществлять проверку, затем пересылать в российское консульство в Белграде с последующим возвратом готовых документов⁵⁵. С. Г. Богоявленского возмущало и то обстоятельство, что «посягнув на высший орган русской независимости в Болгарии» — на российскую миссию — болгарские власти принялись «за другие русские учреждения, пытаясь своим вмешательством окончательно лишить их самостоятельности и превратить в болгарские учреждения»⁵⁶, и еще более отсутствие протеста со стороны КДРБ.

РЕШЕНИЕ БЕЖЕНСКОГО ВОПРОСА В ЛИГЕ НАЦИЙ И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В БОЛГАРИИ

Помощь бывшим подданным Российской империи, покинувшим родину, оказывалась на уровне Лиги Наций. Возглавил эту инициативу с сентября 1921 г. верховный комиссар по делам русских беженцев Ф. Нансен. В августе 1921 г. межправительственная конференция, посвященная проблеме урегулирования положения бывших подданных Российской империи, предложила назначить в каждой стране двух представителей по беженским делам: одного от правительства принимающей страны, другого — от верховного комиссара. Болгария откликнулась на это пожелание и назначила архимандрита Стефана, а миссию Нансена представляли Коллинс, затем Б. С. Серафимов, член КДРБ

⁵² Письмо С. Г. Богоявленского В. Н. Штрандману от 23 марта 1923 г. // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 83. Л. 106.

⁵³ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 64.

⁵⁴ Копия письма С. Г. Богоявленского М. Н. Гирсу от 12 января 1923 г. // ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 41–42.

⁵⁵ Там же. Л. 106 об.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 64. — Правда, попытки подчинить представительство РОКК ввиду упорного сопротивления не удалось.

и представитель совета бывших послов⁵⁷. Представительство Лиги Наций ведало общей помощью беженцам, эвакуацией, вело статистику, оказывало визовую, трудовую помощь, добивалось снижения платы за проезд русских беженцев железнодорожным и морским транспортом и т. д.⁵⁸

Следующий шаг Лиги Наций касался легализации русских беженцев, оказавшихся в особом правовом поле, а скорее вне его. По ее инициативе и при участии эмигрантов было разработано удостоверение личности для «русских не принявших иного подданства». Утвердила текст документа и правила его выдачи межправительственная конференция, состоявшаяся 3–5 июля 1922 г. К сентябрю 1923 г. его признали 30 государств, в том числе и Болгария⁵⁹. На циркулярный запрос генерального секретаря Лиги Наций, касающийся паспортов для русских беженцев, болгарское правительство ответило, что «принимает образец удостоверения личности»⁶⁰. Право возвращения в страну сертификата не гарантировал, но по «наложению визы легацией или Болгарским консульством за границей» доступ в страну становился возможным⁶¹.

В мае 1926 г. для усовершенствования сертификата межправительственная конференция изменила формулировку в отношении права на получение документа. На него могло претендовать «всякое лицо русского происхождения, которое не пользуется или перестало пользоваться покровительством СССР и которое не приобрело новой национальности». Позже такое удостоверение личности стало называться «паспорт Нансена». Конференция также ввела нансеновские марки. Нансеновский сбор составлял Особый фонд для помощи в обустройстве эмигрантов. Болгария добилась, чтобы часть сбора не отправлялась в Женеву, а предоставлялась в распоряжение Комитета по делам беженцев.

15 августа 1926 г. Совет министров Болгарии ввел нансеновские паспорта для беженцев. Выдавались они на один год. Циркуляр полицейским инспекторам от 5 октября того же года обязывал вручить новые документы всем русским беженцам⁶², в то время как документ носил факультативный характер. Процедура получения документа была обременительной и в плане затраченного времени и волокиты, и из-за дороговизны. Паспорт обходился владельцу в 325 левов: собственно за паспорт — 175 левов, дополнительно 140 — за нансеновскую марку и 10 — паспортные расходы. Неимущие платили 20 левов⁶³. Спустя четыре года сумма за выборку паспорта составляла уже 540 левов. Льготы сохранились. Процедура доказательства финансовой несостоятельности регламентировалась циркуляром Комитета по делам русских беженцев от 20 ноября 1928 г. Лицам, получавшим менее 2000 левов в месяц, следовало взять в канцелярии Комитета анкету о бедности и заверить ее в полицейском участке по месту жительства. Льготные («бесплатные», как их называли) паспорта обходились в 83 лева⁶⁴. Сложности заклю-

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 191–192.

⁵⁸ UN Archives — United Nations Archives, Geneva. Nansen Office for Refugees. Nansen Office Delegation in Bulgaria. Delegation in Bulgaria. Monthly Remittances and Statements of Accounts, 1930 and others.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. С 147–148.

⁶⁰ Русские беженцы... С. 223.

⁶¹ Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930 г. С. 13.

⁶² Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция... С. 124.

⁶³ Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция... С. 124.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Л. 49.

чались в том, что выдавали русским такие свидетельства неохотно, полиция проверяла данные, наводя справки на местах, что занимало некоторое время, практика полицейских начальников была разнообразна, и они решали вопрос по своему собственному усмотрению. При этом справки о размере заработной платы, выданные по месту работы или службы, КДРБ, за редкими исключениями, не принимал⁶⁵.

Нансеновские паспорта постепенно вытеснили выдававшиеся для внутреннего пользования личные карты, которые в марте 1928 г. были отменены (к этому времени стоимость удостоверения снизилась и составляла вместо 220 около 150 левов). Их заменила штемпельная отметка в нансеновском паспорте.

Накануне очередной международной конференции, посвященной правовому положению беженцев, в феврале 1928 г. Центральная юридическая комиссия по изучению правового положения русских беженцев разослала опросный лист в русские организации стран расселения. Ответ Земского союза из Болгарии дает представление о правовом положении эмигрантов в стране⁶⁶. В документе отмечено, что «положение русских беженцев в Болгарии зависит главным образом от личных симпатий населения и правительства и определяется более всего бытовым сходством законоположений русских дореволюционных и болгарских»⁶⁷. Обобщение подобного материала по многим странам позволило подготовить соглашение «О юридическом статусе русских и армянских беженцев», которое приняли на международной конференции в Женеве 30 июня 1928 г. Оно, наконец, закрепило право обладателя удостоверения вернуться в страну, выдавшую паспорт. Между тем в Болгарии, опережая соглашение, еще 18 апреля 1927 г. вышел циркуляр МИД за № 1770, гарантировавший возможность возвращения. Болгарские консульства обязывались визировать документ без предварительного разрешения МИД, если срок действия паспорта не истек⁶⁸.

В статье 4 соглашения предписывалось приравнять беженцев к наиболее привилегированным иностранцам или уравнивать с подданными/гражданами стран-реципиентов. Постановления, ограничивавшие иностранный труд, не должны строго применяться к беженцам. Утверждался принцип невысылки. Но главное — за представительствами верховного комиссара закреплялись официально функции, лежавшие обычно на консульствах, которые они должны были выполнять в отношении русских (и армян), не пользующихся защитой государства своего происхождения. За правило было взято использование по отношению к беженцам местного права. Лишь в исключительных случаях допускалась возможность прибегать к законам Российской империи.

Болгария одна из первых ратифицировала соглашение «О юридическом статусе русских и армянских беженцев»⁶⁹. А позже присоединилась и к конвенции «О юридическом статусе русских и армянских беженцев», принятой на международной конференции 28 октября 1933 г., которая вступила в силу после ратификации ее Болгарией 19 декабря 1934 г.⁷⁰, Чехословакией и Норвегией. Авторы соглашения и конвенции

⁶⁵ Бюллетень № 57–58 РЗГК. 15 марта 1930. С. 18–19.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Л. 47–49 об.

⁶⁷ Там же. Л. 49.

⁶⁸ Бюллетень № 61–62 РЗГК. 15 июля 1930 г. С. 10–13.

⁶⁹ Уже 18 сентября 1928 г. правительство приняло постановлением № 20 «Положение о юридическом статусе русских и армянских беженцев».

⁷⁰ АВПРФ. Ф. 415. Оп. 6. П. 50. Д. 76. Л. 1–2; РГВА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 5. Л. 162.

попытались внедрить самые продвинутые достижения, положительный опыт, накопленный в той или иной стране. Конвенция давала несколько больше преимуществ беженцам по сравнению с соглашением, расширяла спектр вопросов, связанных с социальной сферой: пособия больным, безработным, детям, компенсации при несчастных случаях, стипендии, освобождение от платы за обучение в школах и т. д.).

Применительно к Болгарии существенных изменений в условия жизни беженцев соглашение и конвенция не внесли. По сути, они лишь закрепили сложившееся фактическое положение вещей. Представители верховного комиссара Лиги Наций (Коллинс, Б. С. Серафимов) ведали общей помощью беженцам, визовыми вопросами, защитой труда и пр. В правовом отношении русские находились в несколько ином, чем другие иностранцы положении, хотя особого закона, регулирующего их права, не принималось. В основе лежали статьи 40 и 41 болгарской Конституции о национальных меньшинствах. Согласно им, церковное управление, школьное дело находились в руках русских организаций. Доступ к суду не был ограничен. Так, например, русские были уравниены с болгарами в праве судебной защиты, обращения в арбитражный трибунал для разбора дел между работодателем и рабочими без пошлин, такс и гербового сбора⁷¹. От других судебных пошлин и сборов русские не освобождались, но, доказав свою имущественную несостоятельность, можно было рассчитывать на право бедности.

Русские уравнивались с болгарскими подданными и в отношении налогового обложения (за исключением так называемого путевого налога с лиц мужского пола в размере 500–600 левов в год), наследственных прав. В силу сходства дореволюционных российских законов с болгарскими наследование русскими беженцами по закону и по завещанию регулировалось актами, аналогичными русским. Особых постановлений для беженцев не было.

Значительная сфера жизни русских подданных в дореволюционной России — личные и семейные права — находилась в ведении Русской православной церкви. Ввиду сходства законодательства двух стран акты, решения, принятые духовными властями в России, признавались болгарскими учреждениями имеющими силу. Развод между русскими супругами, в том числе если один из которых оставался в советской России, решался русским духовным судом под председательством местного русского епископа. В случае расторжения смешанных браков вопрос рассматривался болгарским духовным судом⁷².

Одним из важнейших прав человека является право свободы передвижения, которым русские пользовались без ограничений. Однако уже в 1923 г. правительство Болгарии негласно рекомендовало препятствовать русским беженцам свободно перемещаться по стране. Предварительно следовало получить разрешение Министерства внутренних дел, о чем упоминал в одном из своих писем С. Г. Богоявленский. Официальное закрепление этого распоряжения последовало с изданием инструкции от 20 марта 1928 г. В примечании к § 39 речь шла об ограничении в правах передвижения из одного округа в другой русских и армянских беженцев, ибо отныне для этого требовалось разрешение дирекции полиции. Тем самым затруднялась их предпринимательская деятельность. К счастью, фактически инструкция почти не исполнялась и ограничений со стороны административных властей не встречалось.

⁷¹ Бюллетень № 57–58 РЗГК. 15 марта 1930. С. 16.

⁷² ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 146. Л. 45.

Крайне важным оставалось право на труд. После прекращения массовой репатриации Лига Наций рекомендовала государствам оказывать содействие беженцам при устройстве на работу. 5 апреля 1925 г. царь Борис III разрешил принимать на государственную службу русских, и уже к середине 1920 г. таковых насчитывалось 1239 человек⁷³. Т. А. Пархоменко называет целый ряд указов, которых только по Министерству народного просвещения в 1920-е годы вышло около десятка. В них также перечислялись фамилии принимаемых на работу⁷⁴.

Народное собрание Болгарии приняло закон о трудоустройстве и помощи при безработице. Циркуляр № 7634 Министерства труда от 10 июня 1926 г. предписывал уравнивать в отношении права на труд российских беженцев и болгарских подданных. При этом болгарское законодательство защищало национальный рынок труда. Предприятие должно было подтвердить потребность в конкретном специалисте-иностранце. Однако это требование не касалось граждан Чехии, Румынии и Венгрии. Специальным циркуляром Министерства труда к ним приравнивали и русских беженцев⁷⁵. Более того, парламент почти единодушно (за исключением крайне левых) в 1929 г. принял решение о защите труда русских врачей и разрешил частную медицинскую практику⁷⁶. Но и «в начале 1920-х годов поступление на болгарскую государственную службу для русского врача, имевшего русский диплом “лекаря с отличием”, не представляло больших затруднений», отмечал Б. Н. Александровский⁷⁷. В целом интеграция беженцев на рынке труда, по заключению специалистов, составила 85 %⁷⁸.

К концу 1920-х годов политика защиты национального рынка труда стала проводиться активнее. К этому фактору добавился мировой экономический кризис. Последовали массовые увольнения иностранцев и в сфере государственной службы, и на предприятиях под предлогом ст. 45 Закона о поощрении отечественной промышленности 1894 г. (срок его действия был продлен в 1928 г.). Если специалистов при необходимости могли оставить, то рабочих-иностранцев безальтернативно заменяли болгарскими гражданами⁷⁹. Закон 1928 г. запретил иностранцам торговлю в разнос. Между тем этот род деятельности обеспечивал средства к существованию многим русским (торговля иконами в сельской местности, продажа готового платья, мелкой галантереи и т. п.). В результате дохода лишились не только сами предприниматели, но и многие художники, портные и др. Ходатайства о нераспространении этого запрета на русских не увенчались успехом⁸⁰. На помощь пришла болгарская интеллигенция, которая выступила в прессе в защиту русских беженцев, сделав акцент не столько

⁷³ *Кьосева Ц.* Правовое положение и адаптация русских беженцев в Болгарии... С. 162.

⁷⁴ *Пархоменко Т. А.* Русская акция в Болгарии // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX век): Сборник статей. М., 1999. С. 204.

⁷⁵ *Пархоменко Т. А.* Русская акция в Болгарии. Л. 45–46 об.

⁷⁶ *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 132; Русские в Болгарии. Письмо из Софии // Возрождение. 1929. 17 апреля.

⁷⁷ *Александровский Б. Н.* Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969. С. 51.

⁷⁸ *Peukovska P.* Bulgaria on the Move. P. 125.

⁷⁹ *Бобчев Н.* Чужденци ли сж за нас руските бежанци (по поводу на един удар върху руско-българските отношения) // Славянский глас. XXV. 1931. № 4. С. 162.

⁸⁰ Бюллетень № 57-58 РЗГК 15 марта 1930. С. 17.

на проблеме увольнений, сколько на моральной стороне вопроса, заявив, что беженцы — это «невольные политические изгнанники», лишённые всего⁸¹.

Обременительной для эмигрантов являлась ежегодная дорожная повинность, которую должны были нести все иностранцы. Ее выполнение требовало потери пяти рабочих дней, что существенно отражалось на бюджете, особенно тех, кто работал на фабриках. В противном случае грозил штраф в размере от 500 до 650 левов⁸².

Факультативно русских привлекали к отбыванию трудовой повинности по инициативе местных властей⁸³. Официально в Болгарии она была введена в 1936 г. Эта мера коснулась русских беженцев с нансеновскими паспортами наравне со всеми иностранцами, проживавшими в стране. Отбыванию трудовой повинности подлежали все эмигранты в возрасте от 20 до 40 лет, за исключением совершенно неспособных к физическому и умственному труду, военных инвалидов, утративших 30 % трудоспособности, замужних женщин и священнослужителей разных исповеданий⁸⁴.

Вопросы трудоустройства были тесно связаны с проблемой натурализации. Принятие болгарского гражданства облегчало поступление на государственную службу. К 1928 г. из 25 942 русских беженцев подали прошение о гражданстве в Министерство юстиции лишь 679 человек⁸⁵. Ценз оседлости для натурализации составлял не менее 10 лет. Через три года проживания в стране было доступно разрешение на постоянное жительство (ст. 9 Закона о болгарском подданстве), что позволяло пользоваться всеми гражданскими правами (ст. 14). Взнос за право получения постоянного местожительства составлял 3000 левов. Ценз оседлости существенно сокращался для лиц, вступивших в брак с местными жителями и проживших в этом браке не менее одного года, а также для оказавших особые услуги болгарскому государству, при условии их пребывания в стране не менее года. Льготы для русских беженцев на законодательном уровне Народное собрание закрепило 22 марта 1929 г., приняв дополнения к Закону о болгарском подданстве. Снижались взносы на канцелярские расходы, за прошение о натурализации (с 5 000 до 500 левов). Существовавшее прежде условие принятия в гражданство — наличие определенного стажа на государственной службе в Болгарии — упразднялось. Министр юстиции Т. Кулев подчеркнул, что такой шаг являлся «выражением признательности нашим освободителям»⁸⁶. Однако преференции распространялись лишь на лиц, прибывших в страну до 1 января 1929 г. Введение льгот, затянувшееся пребывание на чужбине без перспективы возвращения на родину стимулировали переход в болгарское подданство.

Беспрецедентным является решение Народного собрания от 18 апреля 1924 г. выделить пожизненные денежные пособия 52 ветеранам (или их наследникам в случае смерти ветерана) Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. Поскольку

⁸¹ Бобчев Н. Чужденци ли сж за нас руските бежанци... С. 163.

⁸² См. переписку различных организаций по поводу привлечения русских беженцев к отбыванию трудовой и дорожной повинности в Болгарии / Сост. З. С. Бочарова. Электронный ресурс. Сайт АИРО-XXI // «Русский мир» 1917–1928 гг. http://www.airo-xxi.ru/projects_new/russkij_mir/2_1917-1928/#_Точ242082763 (Дата обращения — 26.03.2023).

⁸³ Там же.

⁸⁴ Последние новости. Париж, 1936. 8 августа.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18.

⁸⁶ Возрождение. 1929. 17 апреля.

иностранцы не имели права на пенсию, депутаты изменили формулировку и было решено выплачивать «пожизненное месячное пособие» (1000 левов, с 1927 г. — 2000 и 2,5 тыс. левов с 1929 г.). Причем размер пособий превышал среднемесячную заработную плату в стране⁸⁷.

О постепенной интеграции русских эмигрантов свидетельствует брачная статистика мужчин-россиян, которую в качестве такого маркера в своей монографии приводит П. Пейковска. С 1921 по 1926 г. удельный вес смешанных союзов с болгарками вырос на 20,5 % (с 68,7 % до 89,2 %), но затем несколько снизился (в 1935 г. — 71,9 %). В то время как число браков с русскими женщинами снижалось (пик пришелся на 1921 г. (26,8 %) и 1935 г. (24,5 %))⁸⁸. Отчасти такое положение можно оправдать явным гендерным дисбалансом в пользу мужчин. Но вместе с тем достаточно часто заключались повторные браки, несмотря на то, что в России оставались супруги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовое поле русских беженцев в Болгарии формировалось под влиянием исторического прошлого, либерального отношения правительства, сходства законов Российской империи и Болгарии. Несмотря на отсутствие специального законодательства, регулировавшего статус эмигрантов, фактически сложилось в целом благоприятное для интеграции положение, выгодно отличающееся от ситуации с иностранцами из некоторых других государств. Лица, получившие право проживания, пользовались всеми гражданскими правами наравне с болгарскими подданными.

Законодательство, касавшееся русских беженцев, было не просто адаптировано к международному контексту решения беженской проблемы, но даже шло немного впереди закреплявшихся на уровне Лиги Наций стандартов. Поэтому соглашение 1928 г. и конвенция 1933 г. «О правовом статусе русских и армянских беженцев» вводили в официальные рамки международного права сложившееся фактическое положение, постепенно формировавшееся в Болгарии усилиями общественности, правительства, эмигрантов. Благодаря принятию правительством инициатив Лиги Наций и его стремлению к быстрейшему включению в мировую политику, русские получили «неформальный статус отдельного национального сообщества»⁸⁹.

Несмотря на благосклонное отношение к русским, власти Болгарии не пошли на компромисс, не сохранили российскую дипломатическую миссию, как ряд других стран, и не позволили создать какой-либо национальный автономный орган. В результате логика эволюции правового пространства для русских беженцев сводилась к подчинению местным законам, касающихся иностранцев, но с рядом исключений. Такой подход в условиях стабилизации советской власти и невозможности репатриации

⁸⁷ Кёсева Ц. 1) Болгария и русская эмиграция... С. 82–83, 147–148; 2) История белой эмиграции в Болгарии. 1919–1950 гг. // Новый журнал. 2007. № 247. С. 217. Адреса и данные об участниках войны 1877–1878 гг. см.: Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г. «Малката Русия» на жълтите павета. С. 236–239.

⁸⁸ Pejkovska P. Bulgaria on the Move. P. 167–168.

⁸⁹ Темпест Р. Страна родственных умов: Русские эмигранты в Болгарии. Первые послереволюционные годы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3. № 4. С. 121.

стимулировал интеграцию русских с болгарским обществом, процесс натурализации, рост числа эмигрантов, идентифицировавших себя как болгар.

Информация о статье:

Автор: Бочарова, Зоя Сергеевна — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Orc ID 0000-0002-1739-1197, Scopus ID 57211602171, Researcher ID AAF-7445-2019, SPIN-code 8046-9713, Author ID 279590; e-mail: kpzgz@mail.ru

Заголовок: Правовое положение русских беженцев в Болгарии в 1920-е – начале 1930-х годов

Резюме: В статье на большом фактическом материале проанализировано положение русских беженцев в 1920-е годы в Болгарии. Раскрыты причины политики «открытых дверей» страны, численной динамики эмигрантов, выявлены особенности их социального состава и адаптации. Показано, что правовое положение русских регулировалось на национальном уровне, с учетом интересов эмиграции в Болгарии и ситуации в других странах, а также в тесной связи с решениями Лиги Наций. Постепенно создавался единый юридический контекст беженского существования. Институционно помощь беженцам оказывали российская дипломатическая миссия во главе с А. М. Петряевым, который с 1923 г. передал дела бывшему советнику российского посольства в Болгарии С. Г. Боговяленскому, Комитет по делам русских беженцев в Болгарии, представительство верховного комиссара по делам беженцев в Болгарии. Автор демонстрирует особенности взаимоотношений между различными институтами и персоналиями при решении беженского вопроса, рассматривает правовое положение русских с позиций структурной интеграции — включение в принимающее общество через национальный рынок труда, налоговое обложение, социальную сферу, реализацию наследственных прав, доступ к суду, посредством структур Русской православной церкви, институт гражданства. Несмотря на то, что в Болгарии правовое пространство русских беженцев регулировалось законами, которые касались всех иностранцев, оно оказалось несколько иным, преимущественно благодаря действиям административных организаций и законодательным изъятиям. Автор показывает специфику отношения к ветеранам русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в том числе указывает на предоставление им права на пожизненное месячное пособие, раскрывает роль нансеновских паспортов, учрежденных для русских, и сложности их применения рядовыми мигрантами, делает вывод о том, что экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов стимулировал интеграцию русских в болгарское общество, где большую роль сыграла конфессиональная и языковая близость народов. **Ключевые слова:** русская эмиграция, беженцы, юридический статус, нансеновские паспорта, С. Г. Боговяленский, Б. С. Серафимов, Лига Наций

Литература, использованная в статье:

- Алексеева, Елена Викторовна.* «Общество единения русских в Болгарии» (1920–1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 58–66.
- Бирман, Михаил Абрамович; Горяинов, Андрей Николаевич.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 173–193.
- Бочарова, Зоя Сергеевна.* «... Не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Санкт-Петербург: Нестор, 2005. 250 с.
- Гогачев, Александр Сергеевич.* Деятельность международных и болгарских правительственных и гуманитарных организаций по обустройству российских эмигрантов в Болгарии в 1920-е гг. // Власть. 2011. № 8. С. 62–64.
- Горяинов, Андрей Николаевич.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии (20–30-е годы) // Славянский альманах. 1998. № 1997. С. 182–195.
- Гусев, Никита Сергеевич.* Митрофан Иванович Ретивов: Русский врач-эмигрант о жизни болгарского села в 1920-е гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 60–77. DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.04
- Даскалов, Дончо.* Бялата емиграция в България. София: Университетское издательство «Св. Климент Охридски», 1997. 182 с.
- Йованович, Мирослав.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940 / Пер. с серб. А. Ю. Тимофеева. Москва: Русское Зарубежье; Рус. путь, 2005. 487 с.
- Каназирска, Маргарита.* После России: К проблеме культуры российской эмиграции в Болгарии (1920–1940). Велико Тырново: Великотырноовский университет имени св. Кирилла и св. Мефодия, 2013. 600 с.

- Кёсева, Цветана.* Болгария и русская эмиграция 1920–1950-е годы: Пер. с болгар. / Научн. ред. Е. В. Михайлов. Москва: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. 310 с.
- Козодой, Виктор Иванович.* Белый реванш в стране алых роз. Александр Гучков и государственный переворот 9 июня 1923 года в Болгарии. Новосибирск: СГУГиТ, 2019. 336 с.
- Косик, Виктор Иванович.* Русские изгнанники в Болгарии в 1920–1950-х годах // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2007. № 22. С. 21–39.
- Косик, Виктор Иванович.* Софии русский уголок: Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. Москва: Прованс-2000, 2008. 234 с.
- Кострюков, Андрей Александрович.* Святитель Серафим (Соболев) и «дело князя Лобанова-Ростовского» // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2018. № 82. С. 107–134.
- Кьосева, Цветана.* България и руската емиграция 20-те – 50-те години на ХХ в. София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 2002. 591 с.
- Кьосева, Цветана.* Русские эмигрантские организации в Болгарии // Русские в Болгарии. София: Союз русских инвалидов; Рус. фонд милосердия и культуры, 1999. С. 45–64.
- Кьосева, Цветана.* История белой эмиграции в Болгарии. 1919–1950 гг. // Новый журнал. 2007. № 247. С. 213–228.
- Кьосева, Цветана.* Правовое положение и адаптация русских беженцев в Болгарии (20–40-е годы ХХ века) // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Санкт-Петербург: Сударья, 2006. С. 160–182.
- Луни, Александр.* Руската емиграция и взаимоотношенията и с българските държавни и обществени институции // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г. София: Институт по история Българска академия на науките, 2001. С. 38–50.
- Мангачев, Петко Иванов.* Документална история на руските бежанци в България (1919 г. – 1944 г.) София: Колбис, 2015. В 2 т. Т. 1. 248 с. Т. 2. 199 с.
- Михнева, Румяна; Грозев, Константин; Рупчева, Ганка.* «Малката Русия» на жълтите павета. София: Камя Груп ЕООД, 2016. 246 с.
- Морошкин, Владимир Александрович.* Эмиграция населения из России в Болгарию в 1919–1924 гг. // Власть. 2013. № 4. С. 168–170.
- Панайотов, Панайот Илиев.* Руските емигранти в България и движението сред тях за връщане в Съветска Русия (1920–1923 гг.) // Исторически преглед. 1963. № 5. С. 34–61.
- Панайотов, Панайот Илиев.* Българо-съветски отношения и връзки 1917–1923. София: Наука и изкуство, 1982. 292 с.
- Пархоменко, Татьяна Александровна.* Русская акция в Болгарии // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Москва: Институт Российской истории РАН, 1999. С. 202–211.
- Пейковска, Пенка Иванова.* Демографски аспекти на миграциите в България 1912–1944 г. София: Институт за исторически изследвания при БАН, 2019. 350 с.
- Пейковска, Пенка Иванова.* Русская интеллигенция в Болгарии в 20-е годы ХХ в.: Социально-професиональная структура // Историческая болгаристика (К 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева): Сборник статей. Москва: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 270–284.
- Русское зарубежье в Болгарии: история и современность / Сост. С. А. Рожков. София: Русский академический союз в Болгарии, 2009. 318 с.
- Седова, Елена Евгеньевна.* Русская школа в Болгарии как фактор самосохранения детей эмиграции // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2013. № 1. С. 116–122.
- Солнцева-Накова, Екатерина.* Деятельность русских эмигрантских организаций в Болгарии в конце 1920-х — середине 30-х гг. // Русское зарубежье и славянский мир = Руска дијаспора и словенски свет : сборник трудов / Сост. Петр Буняк. Белград: Славистическое общество Сербии, 2013. С. 117–120.
- Спасов, Людмил Йорданов.* България и СССР. 1917–1944 г. (политико-дипломатические отношения). Велико Търново: Фабер, 2008. 550 с.
- Спасов, Людмил Йорданов.* Врангеловата армия в България 1919–1923 г. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1999. 243 с.
- Темпест, Ричард.* Страна родственных умов: Русские эмигранты в Болгарии. Первые послереволюционные годы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3. № 4. С. 113–123. DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-4-113-123

Хмыров, Денис Владимирович. О притязаниях советской власти на церкви при российских посольствах (на примере церкви свт. Николая Чудотворца в Софии, 1934 г.) // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 333–344. DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_333

Хрисанфов, Валентин Иванович; Турыгина, Наталья Валерьевна. Русская диаспора в Болгарии: проблемы учета мигрантов межвоенного периода // Quaestio Rossica. Т. 8. 2020. № 1. С. 283–294. DOI 10.15826/qr.2020.1.462.

Чернявский Георгий Иосифович; Даскалов Дончо. Судьбы русской эмиграции в Болгарии // История СССР. 1961. № 1. С. 109–117.

Шевченко, Валерий Анатольевич. К. И. Иванов и реорганизация русского учебного дела в Болгарии в 1920–1930-е годы // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2017. № 12. С. 326–337.

Шкаровский, Михаил Витальевич. Русская церковная эмиграция в Болгарии в 1920-е гг // Церковно-исторический альманах «ХРОНОС». 2017. № 5. С. 44–82.

Шкаровский, Михаил Витальевич. Служение протопресвитера Георгия Шавельского в Болгарии // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2018. № 8. С. 152–162.

Daskalov, Doncho. Sofia: die russischen Flüchtlinge in Bulgarien // Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994. S. 64–85.

Pejkovska, Penka Ivanova. Bulgaria on the Move. Migration, Refugees, Integration, and Urbanisation in the 1910s–1930s. Sofia: Institute for Historical studies — Bulgarian academy of sciences, 2022. 232 p.

Information about the article

Author: Bocharova, Zoya Sergeevna — Dr. Sc. in History, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Orc ID 0000-0002-1739-1197, Scopus ID 57211602171, Researcher ID AAF-7445-2019, SPIN-code 8046-9713, Author ID 279590; e-mail: kpzg@mail.ru

Title: Legal status of Russian refugees in Bulgaria in the 1920s – early 1930s

Summary: The position of Russian refugees in the 1920s in Bulgaria is analyzed in the article drawing on a large factual material. The reasons for the country's policy of «open doors», the numerical dynamics of emigrants, the peculiarities of their social composition and adaptation are revealed. It is shown that the legal status of Russians was regulated at the national level, taking into account the interests of emigration in Bulgaria and the situation in other countries, as well as in close connection with the decisions of the League of Nations. Gradually, a unified legal context of refugee existence was created. The Russian diplomatic mission headed by A. M. Petryaev, who since 1923 handed over his duties to the former adviser of the Russian Embassy in Bulgaria S. G. Bogoyavlensky, the Committee on Russian Refugees in Bulgaria, the representation of the High Commissioner for Refugees in Bulgaria, provided institutional assistance. The relationship between various institutions and personalities in solving the refugee issue is revealed. The legal status of Russians is examined from the standpoint of structural integration: inclusion in the host society through the national labor market, taxation, social sphere, realization of inheritance rights, access to the court, through the structures of the Russian Orthodox Church, the institution of citizenship. Russian refugees in Bulgaria formally obeyed the general laws on foreigners on an equal basis with other foreigners. There was no special law regulating the rights of Russians, but they were in a different position compared to other foreigners because of the number of legislative and administrative reservations. The special attitude towards the veterans of the Russian-Turkish war of 1877–1878 was characteristic: they were granted the right to a lifetime monthly allowance. The role of Nansen passports, established for Russians, and the difficulties of their application by ordinary migrants are revealed. It is concluded that the economic crisis of the late 1920s – early 1930s stimulated the integration of Russians due to the activation of naturalization. The confessional and linguistic affinity of the peoples played a role.

Keywords: Russian emigration, refugees, legal status, Nansen passports, S. G. Bogoyavlensky, B. S. Serafimov, League of Nations

References:

Alekseyeva, Yelena Viktorovna. «Obshchestvo yedineniya russkikh v BolgariI» (1920–1924 gg.) [«Russian Unity Society in Bulgaria» (1920–1924)], in *Novyy istoricheskiy vestnik [New historical bulletin]*. 2001. No. 3. P. 58–66. (in Russian).

Birman, Mikhail Abramovich; Goryainov, Andrey Nikolayevich. Rossiyskiye intellektualy-emigranty v Bolgarii 1920–1930-kh godov [Russian emigrant intellectuals in Bulgaria in the 1920s and 1930s], in *Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and contemporary history]*. 2002. No. 1. Pp. 173–193. (in Russian).

Bocharova, Zoya Sergeyevna. «...*Ne prinyavshiy inogo poddanstva*»: *problemy sotsialno-pravovoy adaptatsii rossiyskoy emigratsii v 1920–1930-e gody* [«...who did not accept other citizenship»: Problems of social and legal adaptation of Russian emigration in the 1920s – 1930s.]. Saint Peterburg: Nestor Publ., 2005. 250 p. (in Russian).

Chernyavskiy Georgiy Iosifovich, Daskalov Doncho. Sudby russkoy emigratsii v Bolgarii [The fate of Russian emigration in Bulgaria], in *Istoriya SSSR [History of the USSR]*. 1961. No. 1. Pp. 109–117. (in Russian).

Gogachev, Aleksandr Sergeyevich. Deyatelnost mezhdunarodnykh i bolgarskikh pravitelstvennykh i gumanitarnykh organizatsiy po obustroystvu rossiyskikh emigrantov v Bolgarii v 1920-e gg. [Activities of international and Bulgarian governmental and humanitarian organizations for the settlement of Russian emigrants in Bulgaria in the 1920s.], in *Vlast [Authority]*. 2011. No. 8. Pp. 62–64. (in Russian).

Goryainov, Andrey Nikolayevich. Uchebnyye zavedeniya russkoy emigratsii v Bolgarii (20–30-e gody) [Educational institutions of Russian emigration in Bulgaria (20–30s)], in *Slavyanskiy almanakh [Slavic almanac]*. 1998. No. 1997. Pp. 182–195. (in Russian).

Gusev, Nikita Sergeyevich. Mitrofan Ivanovich Retivov: russkiy vrach-emigrant o zhizni bolgarskogo sela v 1920-e gg. [Mitrofan Ivanovich Retivov: Russian emigrant doctor about the life of a Bulgarian village in the 1920s.], in *Slavyanskiy almanakh [Slavic almanac]*. 2021. No. 1–2. Pp. 60–77. DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.04 (in Russian).

Daskalov, Doncho. *Byalata yemigratsiya v Blgariya [White emigration to Bulgaria]*. Sofia: Universitetskoye izdatelstvo «Sv. Kliment Okhridski» Publ., 1997. 182 p. (in Bulgarian).

Daskalov, Doncho. Sofia: die russischen Flüchtlinge in Bulgarien [Sofia: the Russian refugees in Bulgaria], in *Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941*. München: C. H. Beck, cop. Publ., 1994. Pp. 64–85. (in German).

Kanazirska, Margarita. *Posle Rossii: k probleme kultury rossiyskoy emigratsii v Bolgarii (1920–1940)*. [After Russia: On the problem of the culture of Russian emigration in Bulgaria (1920–1940)]. Veliko Tymovo: Velikotymnovskiy universitet imeni sv. Kirilla i sv. Mefodiya Publ., 2013. 600 p. (in Russian).

Khmyrov, Denis Vladimirovich. O prityazaniyakh sovetskoy vlasti na tserkvi pri rossiyskikh posolstvakh (na primere tserkvi sv. Nikolaya Chudotvortsya v Sofii, 1934 g.) [About the claims of the Soviet government to the churches at the Russian embassies (on the example of the Church of St. Nicholas the Wonderworker in Sofia, 1934)], in *Khristianskoye chteniye. [Christian reading]* 2023. No. 1. P. 333–344. DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_333 (in Russian).

Khrisanfov, Valentin Ivanovich; Turygina, Natalya Valeryevna. Russkaya diaspora v Bolgarii: problemy ucheta migrantov mezhdvuyennogo perioda [The Russian Diaspora in Bulgaria: Issues of Migration Registration in the Interwar Period], in *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 283–294. DOI 10.15826/qr.2020.1.462. (in Russian).

Kosik, Viktor Ivanovich. Russkiye izgnanniki v Bolgarii v 1920–1950-kh godakh [Russian exiles in Bulgaria in the 1920s and 1950s], in *Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya RPTS [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 2. History. History of the Russian Orthodox Church]*. 2007. No. 22. Pp. 21–39. (in Russian).

Kosik, Viktor Ivanovich. *Sofii russkiy ugolok : ocherki so stikhami o russkikh, pokinuvshikh Rossiyu posle oktyabrskoy revolyutsii 1917 goda i posledovavshey za ney grazhdanskoy voyny* [Russian Corner of Sofia: Essays with poems about Russians who left Russia after the October Revolution of 1917 and the civil War that followed it]. Moscow: Probel-2000 Publ., 2008. 234 p. (in Russian).

Kostryukov, Andrey Aleksandrovich. Svyatitel Serafim (Sobolev) i «delo knyazyza Lobanova-Rostovskogo» [St. Seraphim (Sobolev) and «the case of Prince Lobanov-Rostovsky»], in *Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya RPTS [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 2. History. History of the Russian Orthodox Church]*. 2018. No. 82. Pp. 107–134. (in Russian).

Koseva, Tsvetana. *Blgariya i ruskata yemigratsiya 20-te – 50-te godini na XX v. [Bulgaria and the Russian emigration of the 20–50s]*. Sofia: Mezhdunarodniy tsentr po problemite na maltsinstvata i kulturnite vzaimodeystviya Publ., 2002. 591 p. (in Bulgarian).

Keseva, Tsvetana. *Bolgariya i russkaya emigratsiya 1920–1950-e gody [Bulgaria and Russian emigration in the 1920s – 1950s]*, Ed., transl. by Ye. V. Mikhaylov. Moscow: Biblioteka-fond «Russkoye Zarubezhye»; Russkiy put' Publ., 2008. 310 p. (in Russian).

Koseva, Tsvetana. Russkiye emigrantskiye organizatsii v Bolgarii [Russian Russian emigrant organizations in Bulgaria], in *Russkiye v Bolgarii [Russians in Bulgaria]*. Sofia: Soyuz russkikh invalidov; Russkiy fond miloserdia i kultury Publ., 1999. Pp. 45–64. (in Russian).

- Koseva, Tsvetana. Istorija beloy emigratsii v Bolgarii. 1919–1950 gg. [The history of white emigration in Bulgaria. 1919-1950], in *Novyy zhurnal* [New magazine]. 2007. No. 247. Pp. 213–228. (in Russian).
- Koseva, Tsvetana. Pravovoye polozheniye i adaptatsiya russkikh bezhantsv v Bolgarii (20–40-e gody XX veka) [Legal status and adaptation of Russian refugees in Bulgaria (20–40s of the twentieth century)], in *Pravovoye polozheniye rossiyskoy emigratsii v 1920–1930-e gody* [Legal Status of Russian Emigration in the 1920s – 1930s]. Saint Peterburg: Sudarynya Publ., 2006. Pp. 160–182. (in Russian).
- Kozodoy, Viktor Ivanovich. *Belyy revansh v strane alykh roz. Aleksandr Guchkov i gosudarstvennyy perevorot 9 iyunya 1923 goda v Bolgarii* [White revenge in the land of scarlet roses. Alexander Guchkov and the coup d'état of June 9, 1923 in Bulgaria]. Novosibirsk: SGUGIT Publ., 2019. 336 p. (in Russian).
- Lunin, Aleksandr. Ruskata yemigratsiya i vzaimootnosheniyata i s blgarskite drzhavni i obshchestveni institutsii [Russian emigration and relations with Bulgarian state and public institutions], in *Byalata yemigratsiya v Blgarii*. Materiali ot nauchna konferentsiya Sofiya, 23 i 24 sentyabrya 1999 g. [White emigration to Bulgaria. Materials of a scientific conference Sofia, September 23 and 24, 1999.]. Sofia: Institut po istoriya Blgarska akademiya na naukite Publ., 2001. Pp. 38–50. (in Bulgarian).
- Mangachev, Petko Ivanov. *Dokumentalna istoriya na ruskite bezhantsi v Blgariya (1919 g.–1944 g.)* [Documentary history of Russian refugees in Bulgaria (1919–1944)]. Sofia: Kolbis Publ., 2015. 2 vols. Vol. 1. 248 p.; Vol. 2. 199 p. (in Bulgarian).
- Mikhneva, Rummyana; Grozev, Konstantin; Rupcheva, Ganka. *«Malkata Rusiya» na zhltite paveta* [The «Little Russia» of the yellow paving stones]. Sofia: Kameya Grup YEOOD Publ., 2016. 246 p. (in Bulgarian).
- Moroshkin, Vladimir Aleksandrovich. Emigratsiya naseleniya iz Rossii v Bolgariyu v 1919–1924 gg. [Emigration of the population from Russia to Bulgaria in 1919–1924.], in *Vlast* [Authority]. 2013. No. 4. Pp. 168–170. (in Russian).
- Panayotov, Panayot Iliev. Russkite yemigranti v Blgariya i dvizheniyeto sred tyakh za vrshchane v Svetska Rusiya (1920–1923 gg.) [Russian emigrants to Bulgaria and the movement among them to return to Soviet Russia (1920–1923)], in *Istoriicheski pregled* [Historical review]. 1963. No. 5. Pp. 34–61. (in Bulgarian).
- Panajotov, Panajot Iliev. *Blgaro-svetski otnosheniya i vrzki 1917–1923* [Bulgarian-Soviet relations and ties 1917–1923]. Sofia: Nauka i izkustvo, 1982. 292 s. (in Bulgarian).
- Parkhomenko, Tatyana Aleksandrovna. Russkaya aktsiya v Bolgarii [Russian action in Bulgaria], in *Sotsialno-ekonomicheskaya adaptatsiya rossiyskikh emigrantov (konets XIX–XX v.)* [Socio-economic adaptation of Russian emigrants (late 19th – 20th century)], Moscow: IRI RAN Publ., 1999. Pp. 202–211. (in Russian).
- Peykovska, Penka Ivanova. *Bulgaria on the Move. Migration, Refugees, Integration, and Urbanisation in the 1910s–1930s*. Sofia: Institute for Historical studies — Bulgarian academy of sciences, 2022. 233 p.
- Peykovska, Penka Ivanova. *Demografski aspekti na migratsiite v Blgariya 1912–1944 g.* [Demographic aspects of migrations in Bulgaria 1912–1944]. Sofia: Institut za istoricheski izsledvaniya pri BAN, 2019. 350 s. (in Bulgarian).
- Peykovska, Penka Ivanova. Russkaya intelligentsiya v Bolgarii v 20-e gody XX v.: sotsialno-professionalnaya struktura [Russian intelligentsia in Bulgaria in the 20s of the XX century: socio-professional structure], in *Istoriicheskaya bolgaristika (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora L. B. Valeva)*. Sb. statey [Historical Bulgarian studies (To the 100th anniversary of the birth of Professor L. B. Valev): collection of articles]. Ed. by Ye. L. Valeva, T. V. Volokitina. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2016. Pp. 270–284. (in Russian).
- Russkoye zarubezhye v Bolgarii: istoriya i sovremennost* [Russian Abroad in Bulgaria: History and modernity]. Compl. by S. A. Rozhkov. Sofia: Russkiy akademicheskiy soyuz v Bolgarii Publ., 2009. 318 p. (in Russian).
- Sedova, Yelena Yevgenyevna. Russkaya shkola v Bolgarii kak faktor samosokhraneniya detey emigratsii [Russian school in Bulgaria as a factor of self-preservation of children of emigration], in *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University]. 2013. No. 1. Pp. 116–122. (in Russian).
- Shevchenko, Valeriy Anatolyevich. K. I. Ivanov i reorganizatsiya russkogo uchebnogo dela v Bolgarii v 1920–1930-e gody [K. I. Ivanov and the reorganization of Russian educational affairs in Bulgaria in the 1920s – 1930s], in *Slavyanskiy mir v tret'ym tysyacheletii* [Slavic world in the third millennium]. 2017. No. 12. Pp. 326–337. (in Russian).
- Shkarovskiy, Mikhail Vitalyevich. Russkaya tserkovnaya emigratsiya v Bolgarii v 1920-e gg [The Russian ecclesiastical emigration in Bulgaria in the 1920s], in *Tserkovno-istoricheskiy almanakh «KHROSOS»* [Church-historical almanac «CHRONOS»]. 2017. No. 5. P. 44–82. (in Russian).

Shkarovskiy, Mikhail Vitalyevich. Sluzheniye protopresvitera Georgiya Shavel'skogo v Bolgarii [The activities of Protopresbyter George Shavel'sky in Bulgaria], in *Yezhegodnik Doma russkogo zarubezhya imeni Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of the House of Russian emigrants named after Alexander Solzhenitsyn]. 2018. No. 8. Pp. 152–162. (in Russian).

Solntseva-Nakova, Yekaterina. Deyatel'nost russkikh emigrantskikh organizatsiy v Bolgarii v kontse 1920-kh – seredine 30-kh gg. [The activity of Russian emigrant organizations in Bulgaria in the late 1920s – mid-30s.], in *Russkoye zarubezhye i slavyanskiy mir = Ruska dijaspora i slovenski svet: sbornik trudov* [Russian diaspora and the Slavic world: Collection of works]. Compl. by Petr Bunyak. Belgrad: Slavisticheskoye o-vo Serbii Publ., 2013. Pp. 117–120. (in Russian).

Spasov, Lyudmil Jordanov. *Blgariya i SSSR. 1917–1944 g. (politiko-diplomaticheskie otnosheniya)* [Bulgaria and the USSR. 1917–1944 (political and diplomatic relations)]. Veliko Trnovo: Faber Publ., 2008. 550 s.

Spasov, Lyudmil. Jordanov. *Vrangelovata armiya v Blgariya 1919–1923 g.* [The Wrangel Army in Bulgaria 1919–1923]. Sofia: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Okhridski» Publ., 1999. 243 p.

Tempest, Richard. Strana rodstvennykh umov: Russkiye emigranty v Bolgarii. Pervyye poslerevol'yutsionnyye gody [The country of kindred minds: Russian emigrants in Bulgaria. The first post-revolutionary years], in *Filosoficheskiye pisma. Russko-evropeyskiy dialog* [Philosophical letters. Russian-European dialogue]. 2020. Vol. 3. No. 4. Pp. 113–123. DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-113-123 (in Russian).

Yovanovich, Miroslav. *Russkaya emigratsiya na Balkanakh. 1920–1940* [Russian emigration in the Balkans. 1920–1940]. Transl. by A. Yu. Timofeyev. Moscow: Russkoye Zarubezhye; Russkiy Put' Publ., 2005. 487 p. (in Russian).